

Андрей МАКСИМОВ

ОДНА ЖЕНЩИНА

история для двух актрис любого возраста

Место действия: здесь

Время действия: сейчас

Героини: ИРИНА – директор фирмы «Путь к счастью».
ВАЛЕНТИНА – посетительница.

Возраст героинь: назовите мне такой возраст российской женщины, в котором бы она, ложась в постель, не думала в печали: «За что мне все это?» Поэтому – при чем тут годы?

Количество действий: по усмотрению театра. Будем надеяться, что в действиях все-таки главное – качество.

Я думаю почему-то, что эта история – об одной женщине, о двух сущностях, живущих в каждой.

Впрочем, как и всякий автор, я могу ошибаться...

Декорации могут быть реалистические, могут – не реалистические, может их вообще не быть, могут поначалу быть, а потом исчезнуть. Все это, в общем, не имеет равным счетом никакого значения.

*Кабинет **ИРИНЫ**.*

ГОЛОС В СЕЛЕКТОРЕ. Ирина Евгеньевна, к вам курьер с личным пакетом.

ИРИНА. Откуда?

Слышно, как Секретарша спрашивает: «Откуда? Откуда, откуда?»

ГОЛОС В СЕЛЕКТОРЕ. Говорит: «Стройбряндблиндиздат интернейшнл».

ИРИНА. Что это такое?

ГОЛОС В СЕЛЕКТОРЕ. Говорит, может отдать только в ваши личные руки...

ИРИНА. А в твои личные руки, значит, не может... Слушай, а вдруг это по поводу бассейна? Как говоришь, строй...?

ГОЛОС В СЕЛЕКТОРЕ. ... интернейшнл.

ИРИНА. Ладно, пусть войдет.

Входит ПОСЕТИТЕЛЬ, одетый в рабочую одежду, в руках у него сумка.

В ту же секунду – на столе у Ирины звонит телефон.

ИРИНА. Да. Наконец-то... Слушайте, не надо мне заговаривать зубы... Вы знаете, как называется моя фирма? Правильно, «Путь к счастью». Так вот у человека этот самый путь к счастью – типа разный, понимаете? У меня тут и массаж, и кабинет психологической разгрузки, и фитнес-зал... А бассейна нет, понимаете? Да вот, представьте себе: некоторые люди не представляют, как можно придти к счастью, минуя бассейн. Или вы мне его строите, или я обращусь в другую фирму...

Посетитель, между тем, не спеша и спокойно оглядывает кабинет.

У Ирины звонит мобильный.

ИРИНА *(в трубку)*. Момент, не отключайтесь. Я хочу сегодня окончательно с вами обо всем договориться. Да, именно сегодня. *(В мобильный)*. Да, любимый. У меня для тебя всегда есть время. За то время, что мы с тобой живем, ты мог бы уже к этому привыкнуть. *(Жестом приглашает Посетителя подойти, и рукой с трубкой показывает, что готова расписаться; в трубку стационарного)*. Если я повешу трубку, вы уже не перезвоните, я знаю. Лови вас потом. *(В мобильный)*. Нет, не тебе. Леша, что я могу сделать, если я работаю? *(Снова показывает Посетителю, что готова расписаться)*.

Посетитель берет со стола чистый лист, и протягивает Ирине.

Ирина, не глядя, расписывается.

ПОСЕТИТЕЛЬ. До чего они нас довели, а? События на Ближнем Востоке нас, действительно, волнуют больше, чем события, происходящие в нашей душе.

ИРИНА *(зажимая обе трубки руками; Посетителю)*. У вас что-то еще?

ПОСЕТИТЕЛЬ. Я говорю: до чего ж нас довели эти вот... *(показывает глазами вверх)*. События на Ближнем Востоке нас и вправду волнуют больше, чем события, происходящие в нашей же собственной душе...

ИРИНА *(в мобильный)*. Можешь, меня сегодня забрать, а? Пожалуйста. Я очень хочу, чтобы ты меня забрал. В любое время. Нет, в четыре я не могу. А так – в любое. Нет, и в пять не могу. Давай, в восемь, а? Только ты за мной заезжай, пожалуйста, я очень прошу.

Посетитель снова идет по коридору, подходит к столу, рассматривает фотографии на столе.

ИРИНА (*кладет мобильный, в стационарный*). Мои личные проблемы вас не касаются. Итак, завтра... Не через три дня, не через два, а завтра... Именно завтра, я жду у себя в офисе вашего юриста с договором. Все. Конец связи. (*Садится в кресло, Посетителю*). Ну, где пакет?

ПОСЕТИТЕЛЬ. А ведь события на Ближнем Востоке нас вообще не касаются. Вообще. Можно прожить всю жизнь, понятия не имея, где находится Ближний Восток, и быть вполне счастливым. А вот быть хоть немного счастливым, не думая про свою душу, невозможно. Почему-то...

ИРИНА. Понятно. Вы – типа сумасшедший. У нас есть кабинет психологической разгрузки. По коридору – направо. (*Неожиданно орет*). Пошел туда, ясно?

ПОСЕТИТЕЛЬ (*садится*). Вот включаешь телевизор, и там ведь все время говорят. 24 часа в сутки говорят, и все время про неважное. Интересно, а они специально про важное не говорят, или просто не умеют?

У Ирины звонит мобильный.

ИРИНА (*в мобильный*). Сереженька, родной, спасибо, что не забываешь. С Лешкой все хорошо – спасибо. Сереж, давай добьем этих с бассейном – ты же знаешь, как мне это важно. Да, он без бассейна денег не дает. Ну, и что, что мудака? Мне иногда вообще кажется, что инвестор и мудака – это синонимы. Но других-то нет... Поможешь, ладно? (*Показывает Посетителю, чтобы тот выходил*).

Посетитель остается сидеть, что-то тихо сам себе бормоча.

ИРИНА. Помоги, Сереж, умоляю. (*Кладет мобильный, Посетителю*). Уходите, пожалуйста, я сейчас позову секретаршу.

ПОСЕТИТЕЛЬ. Маша, Катя?

ИРИНА. Что? Маша... Какое это имеет значение? (*В селектор*). Маш, проводи, пожалуйста, курьера.

ПОСЕТИТЕЛЬ. Всех секретарш зовут Маша или Катя, наверное, с другими именами в эту профессию не берут... Маша не придет.

ИРИНА. Почему?

ПОСЕТИТЕЛЬ (*смотрит на часы*). Тринадцать часов семь минут. Обед у нее. Салат, суп, котлета «Пожарская», пепси, и чашечка эспрессо. Если Маша этого не поглотит, она не сможет двигаться по жизни, как машина без бензина: встанет.

ИРИНА (*она постоянно думает о чем-то своем*). Тогда я вызову охрану.

ПОСЕТИТЕЛЬ. Не-а... Я начну упираться всеми своими конечностями, а у меня их много. Скандал. Шум. Желтая пресса... В фир-

ме «Путь к счастью» несчастного человека вышвыривают охранники. Не хорошо.

ИРИНА. Желтая пресса не о чем не узнает.

ПОСЕТИТЕЛЬ. Желтая пресса всегда узнает обо всем. Это вот не желтая может чего-нибудь не знать, а желтая – всегда и обо всем. (*Достает из сумки газету*). Газета. Не желтая. Интересно, а если не желтая, то какая? Не важно. Вот, смотрите, на первой полосе: «В республике Трити-Пердите – новый президент». Где эта республика? Какое мне до нее дело? И – на первой полосе, как бы намекая на то, что мне это просто до зарезу необходимо!

Ирина подходит к Посетителю, выхватывает газету, швыряет на пол.

ИРИНА. Пошел вон, я сказала!

Посетитель пытается обнять Ирину, делая это довольно неловко.

Ирина отскакивает.

ИРИНА. Вы что с ума сошли? Что вам от меня надо?

ПОСЕТИТЕЛЬ. Сексу.

ИРИНА. Вы совсем сумасшедший?

У Ирины звонят одновременно мобильный и стационарный телефоны.

ИРИНА (*в стационарный*). Да. (*в мобильный*). Мамочка, дорогая, я тебе буквально через минутку перезвоню. (*в стационарный*). Да, я Ирина Евгеньевна. (*Посетителю*). Уйдите подобру-поздорову, хуже будет. (*в стационарный*). Я вас узнала. Почему повышается аренда? Вы обязаны типа сообщить... Почему, не будем судиться? При чем тут... Вы что – угрожаете? Уведомите нас, пожалуйста, письменно, как положено. (*Кладет трубку; Посетителю*). Вы еще здесь? Послушайте... Не знаю, как вас зовут...

Пока Ирина говорила, Посетитель поднял с пола газету, разгладил ее, снова сел.

ПОСЕТИТЕЛЬ (*встает*). Валентин. (*Садится*). Смотрите, тут написано, что в городе Чумейске на выборах победил представитель партии левых фиолетовых. Вот какое лично мне до этого дело? Что мне в связи с этим делать: плакать, смеяться? Не объясняют.

ИРИНА (*набрав номер на мобильном*). Сень, эти козлы хотят опять повысить аренду. А у меня с бассейном затык, а без бассейна этот мудака не дает денег... Слушай, у тебя в мэрии человек был, не выгнали его еще? Отлично. Давай ко мне: обговорим все, как с этим человечком там... что да почем. Во сколько? Нет, в восемь я не могу. Я с Лешкой типа договорилась. Слушай, я только что в битвах обре-

ла мужа, и теперь ты хочешь, чтобы я его потеряла. Хорошо. Пол восьмого. Если сможешь, приезжай пораньше. Жду.

ВАЛЕНТИН (*швыряя газету, кричит*). Ну, почему мне никто ничего не объясняет, а все время говорят какие-то глупости, не имеющие ко мне вообще никакого отношения! Ну, почему?

ИРИНА (*Посетителю*). Послушайте, Михаил...

ВАЛЕНТИН (*встает*). Валентин.

ИРИНА. Послушайте, Валентин. У меня – полно дел, я...

ВАЛЕНТИН (*перебивает*). Вы маме обещали перезвонить...

ИРИНА (*Посетителю*). Сереженька...

ВАЛЕНТИН (*встает*). Валентин.

ИРИНА. Да хоть хрен с горы! Если ты, сука, сейчас же не выметешься из моего кабинета, я... я...

ВАЛЕНТИН. Вот я хотел сказать про секс...

Ирина несколько раз набирает номер на мобильном.

ИРИНА (*нервно кладет телефон*). Нашел время быть недоступным!

ВАЛЕНТИН. Вот если какой-нибудь человек просит ему отжаться из жалости, женщина, которая услышит его мольбу, она – блядь или сестра милосердия? А? Разве это вопрос менее важный, чем новый президент республик Трите-Пердите? А вопрос этот не освещает буквально никто. Нигде. Хотя, я вас уверяю, есть масса мужчин, для которых это практически вопрос жизни. И даже смерти.

Ирина, молча, подходит к Валентину, явно прикидывая, за что бы его схватить, чтобы вышвырнуть. В этот момент она, пожалуй, впервые сосредотачивается на нем.

ВАЛЕНТИН. Бить будете? Агрессивная, значит. Так я и думал. Одну секундочку. (*Роется в сумочке, вынимает пистолет, наставляет на Ирину.*)

Ирина пятится.

ИРИНА. Пестик у тебя игрушечный...

ВАЛЕНТИН. Не знаю даже... (*Целится в Ирину*). Может, проверим? Вот если я сейчас попрошу вас раздеться, – вы откажетесь. А если наведу на вас пистолет – согласитесь.

Звонит стационарный телефон.

ВАЛЕНТИН. Не отвлекайтесь. Интересно же разговариваем... Еще есть такая точка зрения... Научная, кстати... Что любовь – это химическая реакция, то есть, от человека не зависит, понимаете? Вот если вы сейчас испытали ко мне химическую реакцию, то отдайтесь мне с удовольствием, а если не испытали – то под дулом пистолета. Но разве я виноват в том, произошла у вас химическая реакция или нет? Почему же я должен страдать?

ИРИНА. Послушайте, Сеня...

ВАЛЕНТИН (*встает*). Валентин. (*Садится*).

ИРИНА. Извините, не могу запомнить ваше имя... Вот вы сейчас спокойно положите ваш игрушечный пистолет...

ВАЛЕНТИН (*наводит на Ирину пистолет*). Уверены? Может, все-таки проверим?

ИРИНА (*не реагируя на его слова*). В сумочку положите пистолетик, и уйдете отсюда тихенько и мирненько. Потому что если вы этого не сделаете, вас арестуют. А это уже – уголовная статья: угроза жизни называется. Срок и тюрьма.

ВАЛЕНТИН. Женщины, в сущности, делятся только на два типа: бляди и сестры милосердия. Первые – свою любовь продают, вторые – своей любовью лечат. Третьего, как говорится, не дано. Вот вы, Ирина Евгеньевна, кто?

ИРИНА. Коленька миленький, давай-ка ты отсюда уйдешь по-добро-поздорову. Давай?

ВАЛЕНТИН. Называйте меня просто: Казуастр тридцать шестой... Может, вы это лучше запомните. (*Наставляя на Ирину пистолет*). Раздевайтесь. Чтобы понять, кто перед тобой, надо посмотреть, как женщина раздевается: бляди и сестры милосердия делают это по-разному.

ИРИНА (*после паузы*). Ну, смотри, Казуастр Тридцать Шестой, сам напросился. (*Начинает расстегивать пуговицы на блузке*).

ВАЛЕНТИН. Чего-то по-блядски у тебя получается.

Ирина снимает блузку, расхлябанной походкой подходит к Валентину, и вдруг неожиданно кидает ему блузку на пистолет.

Короткая борьба.

Ирина толкает Валентина в грудь.

ИРИНА. Казуастр, да ты – баба!

Валентин садится на стул, достает из сумки косметические принадлежности, и за короткое время превращается в женщину.

Ирина с интересом наблюдает за превращением.

ВАЛЕНТИНА (*встает*). Валентина.

ИРИНА (*со смехом*). Это имя тебе как-то больше подходит.

ВАЛЕНТИНА. Лешку, зачем у меня увела, сука?

Некоторое время Ирина, молча, смотрит на Валентину, потом начинает смеяться.

Валентина сначала смотрит на нее недоуменно, потом тоже начинает хохотать.

ИРИНА. Так вот ты, оказывается, кто, Казуастр номер тридцать шесть. Пришла-то ко мне типа зачем? Маскарад весь этот идиотский придумала – чего ради? Боялась, что тебя узнают и не пустят ко мне? Так тебя никто не видел никогда. И я, в том числе.

Не переставая смеяться, Валентина встает и начинает танцевать – странный, радостно-истеричный танец.

Ирина смотрит.

Звонит телефон. Ирина трубку не берет.

Наконец, Валентина устает и падает на стул.

ИРИНА. Мне Лешка про тебя ничего не рассказывал. Вообще. Я даже не знаю, как тебя зовут. Сколько тебе лет - ничего... Как будто нет тебя.

ВАЛЕНТИНА. А я есть. Смешно, правда?

ИРИНА. Пришла-то зачем?

Звонит телефон.

ВАЛЕНТИНА. Выруби ты их на фиг!

ИРИНА. Чего вдруг?

ВАЛЕНТИНА. Мешают.

Ирина усмехается, но трубку, однако, не берет.

ВАЛЕНТИНА. Здорово я мужиком прикинулась?

Ирина, молча, кивает головой: непонятно, то ли соглашается, то ли нет.

ВАЛЕНТИНА. Хотела, как дура, посмотреть, как ты реагируешь на мужиков.

ИРИНА. И как?

ВАЛЕНТИНА. Честно? Никак. Ты вообще не реагируешь ни на что. Нет у тебя, подруга, реакции на жизнь, понимаешь? Фонарь... Ну, который на улице... Тоже стоит себе бессмысленно, но хоть на темноту реагирует – зажигается. А ты вообще ни на что. И чего только Лешка в тебе нашел?

ИРИНА. Пришла-то зачем?

Валентина, молча, встает, идет по кабинету, берет лежащий на полу пистолет, разглядывает его.

ВАЛЕНТИНА. И вправду, вроде, игрушечный...

Валентина подносит к сердцу дуло пистолета, нажимает на курок.

Из дула пистолета вырывается пламя. Одежда на Валентине едва не вспыхивает.

Ирина бросается к ней, выхватывает пистолет.

ИРИНА. Совсем, что ли, чумная?

Ирина кидает пистолет в корзину для мусора.

Пистолет ударяется о стену и выстреливает.

Стакан на столе разбивается.

ВАЛЕНТИНА (*совершенно спокойно*). А может, настоящий? Бывает так: кажется, что игрушечный, а как стрельнет, - все вдребезги.

Ирина удивленно рассматривает осколки стакана.

ИРИНА. Слушай, давай только без этих фокусов и маскарардов, ладно? Ты чего, в цирке, что ли, работаешь?

ВАЛЕНТИНА. А ты не в цирке? Если так разобраться по-честному: все мы работаем в цирке. Где и живем.

ИРИНА. Чего тебе от меня надо, а? Хочешь ругаться? Давай, ругайся. Хочешь нашу с Лешкой жизнь портить? Давай, порти. Принимаю твой вызов. Я привыкла принимать типа вызовы, понимаешь? А вот, когда кота за яйца тянут - ненавижу. Вот эти все: ля-ля, шутки-прибаутки, пистолетики - костюмчики - переодевания. Пришла ко мне, прошла. Уважаю. Если б в морду мне дала - я б, конечно, не обрадовалась, но поняла бы тебя... А вот эти вот все философии юморные...

ВАЛЕНТИНА (*перебивает*). Ир, помоги мне. Пожалуйста.

ИРИНА. Ну! Другой же разговор - человеческий.

Ирина подходит к сейфу, открывает, достает пачку денег, протягивает Валентине.

Валентина, молча, смотрит на деньги.

ИРИНА. Мало, что ли? Может, нам тебя с Лешкой на содержание взять? Так ты так и скажи...

Валентина берет деньги и кладет в сумку.

ВАЛЕНТИНА. Мне денег не надо. Я про другую помощь.

Звонит мобильный.

ВАЛЕНТИНА. Да выключи ты их!

Ирина выключает мобильный.

ВАЛЕНТИНА. И тот, который на столе. Ведь не дадут поговорить! Не дадут! Послушай, ну, можешь ты с бабой, у которой мужа сперла, поговорить? Не остановиться твой «Путь к счастью» за пол часа. Прошу, подруга, помоги разговором.

Ирина выдергивает шнур стационарного телефона.

ВАЛЕНТИНА. Вот. Понимаешь, мне понять нужно: любишь ты Лешку или нет? Мне это важно для дальнейшего течения жизни.

После секундной паузы Ирина подходит к столу, сметает осколки на пол, идет к сейфу, достает бутылку коньяка, две рюмки, наливает.

ИРИНА. Спрашивай. Не отвяжешься от тебя.

ВАЛЕНТИНА. А он вот, прям, совсем про меня не рассказывает ничего? Вообще?

ИРИНА (*отрицательно качая головой*). Мм-мм. Знаешь, я его один раз спросила: твоя, когда тебе картошку жарила, как ее резала: дольками или кубиками? Так он на меня так посмотрел, как будто я ему предложила завербоваться в американские шпионы. И больше я про тебя не спрашиваю.

ВАЛЕНТИНА. А он не говорит?

ИРИНА. А он не говорит.

ВАЛЕНТИНА. Воще?

ИРИНА. Нет. Хотя... Один раз, вроде, было... Если, сказал, женщина не понимает, когда рядом с женщиной надо говорить, а когда – молчать, - с ней жить невозможно. Мне почему-то показалось, что это – про тебя рассказывал.

ВАЛЕНТИНА. И больше ничего?

ИРИНА. Слышь, может, выпьем? Все равно ты мне сегодня весь день сломала. (*Поднимает рюмку*). Чокаться будешь со мной или как? Не, вот, блин, ситуация... (*Не дожидаясь Валентины, пьет*). Тебя самой-то не противно, не стыдно?.. Я у тебя мужика увела... А ты тут сидишь, и буквально готова рыдать на моем типа плечике. Ну, чем я могу тебе помочь? Че-е-ем?

ВАЛЕНТИНА. Зря ты без меня выпила. Не по-людски это. По-людски это – с тостом, с хорошими какими-нибудь словами... Заметила? В газетах, или по телеку не говорят хороших слов. Они чего-то считают, что надо про важное трендеть. Не про хорошее, а про важное. А важное – всегда плохое. Левые фиолетовые победили или правые малиновые – все одно: фигня. А за столом надо говорить про то, что они считают неважным, то есть, про хорошее, про наше. Понимаешь?

ИРИНА. Далась тебе эти газеты с телеком... (*Наливает себе*). Ну, давай говори свой тост про хорошее, про наше.

ВАЛЕНТИНА. За Алексея! Мы ж с тобой, можно сказать, родственницы по мужу. За него и выпьем!

Нерешительно, но все-таки чокаются.

Пьют.

ИРИНА. Слышь, Валь, я тебя, конечно, прогнать просто так не могу. Потому что... Ну, я понимаю, если б он тебя там... ругал... ну, говорил, что ты, типа, прокатилась по его жизни катком, одна вмятина в асфальте осталась...

ВАЛЕНТИНА. Я – нет. Я – не катком.

ИРИНА. Ну и вот. Тогда б, конечно, было б у меня другое совсем... ну, это... типа самоощущение... А так – конечно... А тут детей еще у вас с Лехой нет... Чего у вас детей-то нет?

ВАЛЕНТИНА. Не родились.

ИРИНА. Вот. Мне б, конечно, легче было, если б он тебя ругал. Я б тогда думала, что его спасла. Но он молчит ведь, сука, про тебя, как комсомолец на встрече с фашистами... Ну, и вот. Это я к чему все?

Молчание.

Может, выпивают, может, - нет.

Собственно, весь разговор: может, выпивают, может - нет.

ИРИНА. То есть, выгнать тебя не могу. Но дел, Валька, выше крыши. Правда. Выше крыши дел-то. Представляешь, один богатый мудака прислал ко мне жену. Она, мол, нуждается в психиатре. Он сам, если честно, нуждается в армии психиатров, и те, думаю, не помогут. Но прислал жену. И жене понравилось. Я ему говорю: богатый мудака, дай, говорю, денег, мне расширяться надо. А он отвечает: построй бассейн. Будет бассейн, буду к тебе ходить, расширяться. А так - хрен тебе, говорит, золотая рыбка, не дам ни фида. Ну. Мне надо вопрос этот решать, а я тут с тобой... А выгнать тебя не могу.

ВАЛЕНТИНА. Ничего, значит, про меня не говорит?

ИРИНА. Ну, чего тебе приспичило? Он и про международное положение России тоже не говорит. И про тебя не говорит, и про международное положение. Так что вы с положением, можно сказать, равны.

ВАЛЕНТИНА. И про то, как мы познакомились, не рассказывал?

Ирина отрицательно качает головой.

ВАЛЕНТИНА. А мы красиво познакомились. Он меня спас. Реально. От бандитов.

ИРИНА. Лешка? Да он - subtilный, как кузнечик на ножках.

ВАЛЕНТИНА. Так в том-то и фишка. Был бы он слон или там медведь - какой интерес? А тут, представь, вышли... откуда ж мы вышли... из кино...

ИРИНА. Лешка кино терпеть не может.

ВАЛЕНТИНА. Так он ухаживал же! Понравиться хотел. Ты чего?

ИРИНА. Вот гад! Когда за мной ухаживал, все на концерты водил, тягомотину эту слушать... Слушай, чего такое: как великая музыка, - так обязательно тоска? Да... А в кино мы с ним ни разу не были. Представляешь, ни одного разочка!

ВАЛЕНТИНА. А мы! Были! Были мы! В кино! И попкорн ели! И пили спайт! Выходим на улицу, а там - темнота. И, вроде, центр

города, а темнота – как у негра в заднице. И Лешка мне руки кладет на плечи...

ИРИНА. Ты зачем мне все это рассказываешь?

ВАЛЕНТИНА. И смотрит мне прямо в глаза. В темноте. Совсем темно, а глаза горят, светятся как будто. А мы не целовались еще. Вот. Я в глаза смотрю его светящиеся, а в них – томление... И вот я думаю: целоваться, или гордую из себя строить?

ИРИНА. Чего-то я не врублюсь. Ты ж хотела рассказать, как познакомились? А тут они уж и в кино пошли с попкорном, и поцелуи...

ВАЛЕНТИНА. А я, потому что все, что до этого было – не считаю. Ну, так вот. Стоим мы – он с томным взглядом, и я в нерешительности. И тут они высвечиваются из темноты. Наглые такие... Явно с агрессивными намерениями. Штук пять их было...

ИРИНА. Пять?

ВАЛЕНТИНА. Ну, может, четыре... Мне не до подсчетов было, да и потом, говорю же, темно... Чего там случилось, я даже не поняла... Как-то так раз, два, и раскидал их... Всех. Я даже испугаться, как следует, не успела. А потом опять встал передо мной. Вот так и родился наш первый поцелуй.

ИРИНА. Красиво.

ГОЛОС ИЗ СЕЛЕКТОРА. Ирина Евгеньевна, я вернулась из столовой. Если что...

ИРИНА (*в селектор*). Как котлеты «Пожарские»? Вкусные сегодня были?

ГОЛОС ИЗ СЕЛЕКТОРА. А откуда вы?.. Очень.

ВАЛЕНТИНА. Ну, и какого рожна, объясни мне, ты такого мужика от меня увела?

ИРИНА. А мы, знаешь, как познакомились?

ВАЛЕНТИНА. У нас с тобой много общего. Точнее – два. Первое – это мужик. А второе – это то, что он нам про нас не рассказывает ни хрена. Ни тебе – про меня, ни мне – про тебя.

ИРИНА. Я тогда недвижимостью занималась: там – продашь, тут – вложишь, там тебя обманут, тут – ты. Перебивалась, в общем. Но денег не хватало всегда. А тут – еще дочка на руках.

ВАЛЕНТИНА. У тебя дочка есть?

ИРИНА. Извини: есть... Ну и вот. И подруга одна моя говорит: слышь, говорит, давай тебя с мужиком познакомлю, он, мол, тоже недвижимостью занимается. Может, сольетесь? Я потом спрашивала Нинку: ты, типа, чего в виду имела, когда про «сольешься» намекала? Ничего личного, лепечет, чисто – профессионально. Ну, вот,

прихожу я, значит, в офис к Лешке... Сидит такой... Не, ну не сказать, чтоб Алэн Делон...

ВАЛЕНТИНА. Не сказать...

ИРИНА. Но модный такой конкретно, в прикиде правильном. И офис такой правильный. Ну, все, думаю, сейчас унижать начнет. Или как женщину, или как бизнесмена, но – начнет. А он смотрит на меня, без похоти, сухими глазами смотрит, понимаешь? Я мерзости от него жду, а нет мерзости. Ну, я и растерялась. А он так спокойно спрашивает: «У вас, Ирина Евгеньевна, в деньгах нужда?» Нормально, да? Не, ну мне мужики разные вопросы задавали, но такого – никогда. У вас, мол, Ирина Евгеньевна, в деньгах нужда? Ну, и чего тут ответишь? Молчу. А он смотрит, не улыбается, и глаза у него не потеют, – вот, что самое удивительное... На тебя мужики часто не потными глазами смотрят?

Валентина вместо ответа наливает себе коньяку, пьет.

ИРИНА. Не знаю, что ответить ему. Не готова. А он говорит: «Я, Ирина Евгеньевна, знаю, в какой сумме вы нуждаетесь. И я дам вам эту сумму». Я возьми, да и брякни: «Чего это вдруг?» А он отвечает: «Ну, во-первых, я вижу, что вы – красивая и честная женщина, а, во-вторых, я могу этой суммой вас к себе привязать, что вполне может оказаться не лишним, – и добавляет. – В смысле бизнеса». Ну вот. Так, типа, познакомились.

Молчание.

Ирина пьет.

Валентина встает, подходит к окну.

Или не встает и не подходит.

Не важно. Важно, что – молчание.

ВАЛЕНТИНА. Наврала все это? Скажешь тоже: в какой сумме вы нуждаетесь... Наврала?

ИРИНА. Ага.

ВАЛЕНТИНА. Красиво.

ИРИНА. А ты? Про хулиганов? Пятеро – из темноты, а наш всех в капусту порубал. Вранье?

ВАЛЕНТИНА. Мм-мм. Но ведь красиво?

ИРИНА. Красиво...

ВАЛЕНТИНА. А, на самом-то деле, небось, просто целоваться полез? Я его знаю.

ИРИНА. Мм-мм. И за сиську стал хватать сразу. Главное, напористо так, как футболист бразильский: попер вперед, не остановишь...

ВАЛЕНТИНА. Он – это да... Это ты права... Как футболист... Пока, как говорится, гол не забьет, – не остановиться...

ИРИНА (*неожиданно начинает петь*)

*Ой, цветет калина в поле у ручья,
Парня молодого полюбила я.
Парня полюбила на свою беду,
Не могу раскрыться, слов я не найду.*

ВАЛЕНТИНА. Открыться...

ИРИНА. Чего?

ВАЛЕНТИНА. Открыться, а не раскрыться... Эта песня про девушку, а не про чемодан... Парня мало – дога полюбила я... Дога полюбила на свою беду, не могу открыться, слов я не найду... Может, чего посовременнее споем?

ИРИНА. Так... Как тебя зовут, Казуастр? Вот блин фигню эту помню, а имя твое – нет... Но это не важно. Я, видишь ли, Валентина, не испытываю никакого желанья тебя отсюда вышвыривать, потому что тебе и так хреново. Но только вот у меня типа рабочий день в самом, извиняюсь, разгаре. На трепе с тобой я теряю конкретные деньги. Поэтому ты либо скажи: чё те надо, чё те надо? Либо отваливай. Денег я тебя уже дала. Чего еще?

ВАЛЕНТИНА. А чё деньги? Все равно отберут.

ИРИНА. Кто?

ВАЛЕНТИНА. Найдется кто. Всегда найдется тот, кто у одинокой женщины отберет деньги. Ты вот когда-нибудь видела, чтобы у одинокой женщины деньги не отобрали? (*Лезет в сумку, достает деньги, кладет на стол*).

ИРИНА. Интересный поворот...

Берет деньги, идет к сейфу.

Останавливается, делит пачку примерно на две части, одну кладет в сейф, другую – отдает Валентине.

ВАЛЕНТИНА. Спасибо. (*Кладет деньги в сумку*). Все равно отберут.

ИРИНА (*долго и пристально смотрит на Валентину*). Ты вообще – кто?

ВАЛЕНТИНА. Совсем недавно я была счастливой женщиной, у которой есть семья.

ИРИНА. Та-а-а-к... Понеслась конница по ложбинкам. Стыдить меня будешь... Понятно. Давай, может, оно, тебе полегче станет... Жизнь-то она как, типа, устроена: мужья от жен не уходят, – их уводят всегда. Как козликов на веревочке. Правильно я говорю? Правильно. Суки, вроде меня, берут козлика за... за веревочку и уводят из семьи, где остается несчастная, но еще вчера законная...

Валентина не отвечает, и даже, как будто не смотрит на Ирину – смотрит в себя.

ИРИНА. Давай, давай, стыди, начинай! Я заслужила! Ты только не забудь мне напомнить обязательно, что на чужом несчастье, мол, своего счастья не построишь.

ВАЛЕНТИНА. Всякое счастье на чужом несчастье делается. Нету иного пути. Девка замуж вышла? Наверняка отбила парня от других баб. Мужик поднялся по карьерной лестнице? Значит, сбросил с нее кого-то... А тот же спорт возьми? Если одна команда выиграла, значит, другая в несчастье живет. А наука? Один ученый открытие совершил – счастье у него, десятки других в несчастье рыдают, – не додумались потому что. Один в лотерею выиграл: миллионы рыдают, и этого, одного, ненавидят, хотя он, в сущности, ни в чем не виноват... Жизнь так, блин, устроена, что если ты – счастлив, значит, стоишь ты, счастливый, на ком-то, кто копошится в своем несчастье и вылезти из него не может...

ИРИНА (*некоторое время смотрит на Валентину, как бы силясь понять, что та говорит*). Вот ты, значит, как заговорила... Понимаю тебя... Но мужик, между прочим, не козел: его на веревочке просто так не уведешь. И если он ушел... Вот если он ушел от одной, например, женщины, типа, к другой, то он ведь не просто так вышел погулять, правильно? Он ведь от плохого уходит к хорошему, правильно? Ты извини, конечно, но ведь – правильно?

ВАЛЕНТИНА. Знаешь, чем ты от меня отличаешься?

ИРИНА. Да многим... Размером лифчика, например. Парфюмом. Одеждой опять же... В том числе, и нижним бельем, ты уж извини. А еще...

ВАЛЕНТИНА (*перебивает*). Ты отличаешься от меня только тем, что ты – новая. Вот и всё.

ИРИНА. И чего?

ВАЛЕНТИНА. Чего... Ты права: мужик – не козел. Вот мне и надо поглядеть непременно, какую такую травку он решил пощипать... Хороша ли новенькая? Сочна ли? Без отравы ли?

ИРИНА. Слышь, Казуастр, а ты по нормальному не можешь разговаривать? Без заумностей... Я ведь типа бизнесмен. А в бизнесе, знаешь как: если партнер слишком по-умному заговорил – зови охрану. Ты чего пришла, подруга? Поглядеть на новую жену своего мужа? Ну, поглядела. Дальше – что?

ВАЛЕНТИНА. Хорошая ты.

ИРИНА. Давай, издевайся.

ВАЛЕНТИНА. Сашке, наверное, такая и нужна...

ИРИНА. Кому?

ВАЛЕНТИНА. Ой, этому... Лешке... Да...

ИРИНА. Имена мужей забывать не следует. Даже бывших.

Молчание.

ВАЛЕНТИНА. Мужик, знаешь, чего надо от бабы? Чтобы она, когда нужна, – возникла, а когда не нужна, – исчезла. И чтоб одно с другим не путала. Всё. Вот если баба, когда нужна, – возникает, а когда не нужна – исчезает, то мужик говорит, что ему с ней тепло. Лешке с тобой тепло, наверное, и я тебе за это благодарна.

ИРИНА. Да ты сильно-то не расстраивайся... Ты – баба видная... Глаз, правда, у тебя не горит. Это плохо. Сегодня у всех мужиков – потухшие глаза. От чего им зажигаться? Только от нас. А у тебя глаз типа не горит. Нехорошо. И с одеждой ты реши как-то вопрос. Нельзя ж в таком виде ходить по людям... Оно ж неизвестно – как к тебе кто подойдет. И когда. Он подойдет, а у тебя – глаз потухший и одежда такая. У него все сразу и опустится, даже, если вдруг стало подниматься...

ВАЛЕНТИНА. Ему с тобой хорошо, наверное... Ты – веселая.

ИРИНА. Не завидуй мне, подруга. Подыщем тебе еще мужика. А чё? Приоденем... Все будет типа нормально.

ВАЛЕНТИНА. Да не нужен мне никто, кроме... В общем, не нужен никто.

ИРИНА. Понимаю тебя. Жизнь сложная. А мне, думаешь, легко? Бизнес этот дурацкий... Инвесторы – мудаки, чиновники еще хуже... Раньше хоть некоторые смотрели на тебя, как на женщину... Тому улыбнешься, с этим пококлетничаешь... В общем, порешаешь вопрос. Теперь – всё, смотрят на тебя только, как на банкомат... И никак по другому... Мол, типа, мети наличность, и – все дела. Лешка, опять же, твой... Ну, в смысле, наш... Ну, это... Ты понимаешь? Мужик-то хороший, конечно, ты в курсе, но не сказочный персонаж. Согласись, не сказочный?

Ждет от Валентины ответа.

Та не отвечает.

ИРИНА. Но, подруга, главное: иметь вид веселый, несмотря ни на что... Иначе даже если ты типа от Версаче какого оденешься, никто на тебя глаз не кинет. И ничего не кинет. Никто. Потому что у мужиков сегодня такая скучная жизнь...

ВАЛЕНТИНА. Это да...

ИРИНА. Ну. Можешь себя представить: мужик всю жизнь пашет, жизнью рискует, по два часа в день спит, и все – для чего? Чтоб футбольную команду купить. Нормально? Потому что нет других развлечений. Маленьким был, – в настольный футбол играл, вырос – в настоящий. Ни фантазии, никаких, типа, радостей. А тут ты еще будешь ходить с философским лицом и философскими беседами. Оно ему надо?

Валентина не отвечает.

Смотрит куда-то. Кажется, что в себя.

ИРИНА. Слышь, я научу тебя, как с мужиками надо. Потому что вижу, что не все ты в жизни понимаешь. Понимаешь кое-чего, но не все. Возьмем Лешку. Извини, для примера. Он вдруг – раз! – и начнет про умное говорить чего-то. Бывает: находит. Про умное, то есть, про скучное. Ну, я тогда сразу ему бутылку, сальцо режу – он сало очень любит, ну, ты в курсе – сижу напротив, и улыбаюсь, как, типа, дура. Вон оно как надо... В общем, совет тебе даю совершенно бесплатно: хочешь получить и удержать мужика – разговаривай с ним мало, а улыбайся постоянно.

ВАЛЕНТИНА. А откуда улыбку-то брать?

ИРИНА. И с дитем, как ты выражаешься, не знаю, что делать... Вроде, пора уже... И Лешка хочет... Ты извини, но раз уж такой разговор... Ну, забеременею я, а бизнес куда девать? Старшая-то уже подросла, а тут опять – все по новой. Тут без меня за два дня все развалится. Вот, думаю, устаканится, когда все, – тогда и... А оно, блин, не устаканивается никак. И, что самое обидное, чем дальше – тем устаканивается меньше. И потом. Беременные, они же в спокойствии должны жить. А с этим бизнесом – откуда спокойствие? Или инвестор мудака, или чиновник – любитель банкоматов...

ВАЛЕНТИНА (*кричит*). Откуда улыбку-то брать?

ИРИНА. Это хороший вопрос. Практический. Значит, поняла ты меня... Откуда улыбку брать? Я из прошлого достаю. Про нынешнее, как подумаешь – только нервный смех и рождается. Про будущее – страшно. А как маму вспомнишь... Как сидели на даче... Мама клубнику любила взбивать, почему-то называлось это «Испанский ветер». Вот мама «ветра» этого взобьет, мы сядем на веранде... Жара спала уже, и сразу как-то начинает дышаться... Ну, как будто не дышалось весь день, а тут дышишь себе и всё... Мама на тебя смотрит, говорит чего-то, и день сереет, и не страшно совсем... Вот как про это вспомнишь, сразу улыбка появляется. Он-то думает, что это я ему улыбаюсь... А и хорошо...

ВАЛЕНТИНА. Не любишь ты Лешку.

ИРИНА. Чего?

ВАЛЕНТИНА. Лешку моего ты не любишь, сука!

Валентина медленно и спокойно направляется к мусорной корзине, в которой лежит пистолет.

Под ее ногами хрустит стекло от разбитого стакана.

ВАЛЕНТИНА. Смешно: и снег хрустит, и стекло разбитое хрустит... Слово одно, да? А какие разные ассоциации...

Ирина внимательно и напряженно смотрит на Валентину, пытаюсь понять, что та будет делать.

ВАЛЕНТИНА (*доставая из мусорной корзины пистолет*). Вы с Лешкой-то не гуляете? Нет? Зря... Он любит – по воздуху. Особенно зимой. (*Рассматривает пистолет*). Еще пуля осталась. Даже, вроде, две... Зимой, ага. Когда снег хрустит, и голова от мороза становится легкой. Не замечала: от холода голова легчает, от жары – тяжелеет. Поэтому войны летом всегда начинаются, по дури...(*Наставляет пистолет на Ирину*).

ИРИНА. Ты какая-то политизированная очень, Валь, правда...

Ирина бросается к селектору.

Но Валентина успевает выдернуть шнур из розетки.

ВАЛЕНТИНА. Не надо меня нервировать... Кричать не надо особенно... А то ведь я пальну на нервной почве, попаду ещё, не приведи, Господи... Зачем это?

ИРИНА. Я поняла, ты – просто сумасшедшая.

ВАЛЕНТИНА. А ты – нормальная? У женщины мужика просто так увести, ради развлечения, - это нормально, ты считаешь?

ИРИНА. Зачем так-то? Я не ради развлечения. Я полюбила его. Никого так не любила, как его. Ясно тебе? Лешка – это не просто койко-место, которых у меня в жизни, знаешь, сколько было? Это, если хочешь знать, может быть, моя типа первая любовь. Она же – последняя. И я не виновата, что он меня полюбил... Любовь – она вообще, между прочим, от Бога, ясно тебе? Да опусти ты пистолет! Так невозможно разговаривать...

ВАЛЕНТИНА. Вот народ пошел... Приноровились – всякую свою подлость Божьим Провидением объяснять... (*Бросает пистолет в корзину*). Что ж, давай поговорим... Ну, и как же вы познакомились с Лешей моим, если по правде, без вранья?

ИРИНА. Может, ты пойдешь уже? А? Не, ну, правда... Мне, конечно, тебя жалко, но всякому же хамству есть предел. Я устала. И потом...

Из мусорной корзины раздается выстрел.

Ирина подпрыгивает.

ВАЛЕНТИНА (*совершенно спокойно, оглядывая себя*). По касательной прошла, ну, и ладно... Пистолет-то, забавник, своей жизнью живет... (*Ирине*). Так как ты, говоришь, с Лешкой познакомилась?

ИРИНА. Как... В бане он отделение перепутал, в бабское зашел, меня увидел и обомлел... Ха-ха... Как... Как все: в мэрии на банкете. То да сё... У вас – бизнес, у нас – бизнес... Водка сегодня особенно удалась. Не могли бы вы дать свой телефончик? Ну, и...

ВАЛЕНТИНА (*перебивает*). Лешка у тебя телефончик попросил? Прямо так подошел и попросил: «Дайте, барышня, ваш телефончик?» Да чтобы Лешка телефон попросил, он должен упиться до посинения...

ИРИНА. Чего ты ко мне привязалась, а? Чего надо тебе?

ВАЛЕНТИНА. Ты подошла первая?

ИРИНА. И чего? Мужик, чтоб ты знала, тот же бизнес-проект: хочешь получить результат, проявляй активность. Да! Я! Подошла! Сама! Вижу: мужик стоит. Один. Как-то категорически один стоит мужик. Вид – печальный, а глаз – хитрый, живой, то есть. Ищет кого-то глаз, понимаешь? Чего б, думаю, ему не найти именно меня, правильно? И подошла. И познакомилась. И типа – туда-сюда... Довольна? Давай теперь называй меня сукой, и уже отваливай отсюда наконец!

ВАЛЕНТИНА. А потом?

ИРИНА. Что потом?

ВАЛЕНТИНА. Потом что было? Как?

ИРИНА. Потом – суп с котом, и пироги с котятами. Ты мозахист? Тебе нужны подробности? На улицу потом вышли. А там, знаешь, что на улице было? Знаешь, что было там? Там была весна. Капает все, блин, светится и дышится... Ну, и покатилося.

ВАЛЕНТИНА. Как покатилося?

ИРИНА. Как пьяный по льду: сначала вертикально, потом – горизонтально. Ты чего хочешь? Подробностей? Деталей? Чего? Ну, вышли. Ну, стоим. Ну, весна. Разглядываем типа друг друга. Смотрю на него – неприкаянный он какой-то...

ВАЛЕНТИНА. Неприкаянный?

ИРИНА. Да. (*Говорит по слогам*). Не – при – ка – ян – ный! Правды хотела? Получите, – распишитесь! Мужики, которые с такими, как ты живут, они всегда такие – аккуратненькие – аккуратненькие, неприкаянные, неприкаянные.

Ирина смотрит на Валентину – не просто ждет, а почти требует реакции.

Реакции нет.

ИРИНА. Так стоим. Два рыболова: удочки закинули, ждем у кого клюнет у первого. Вижу: мужик хочет, но боится. Непривычно ему. Это хорошо. Я водителя отпустила, ну, мы в машину мою залезли. Дальше рассказывать?

Валентина молчит.

ИРИНА. А он мне сразу сказал, что женат. В машине еще. Палец показал с обручальным кольцом, и на словах объяснил, что оно

значит, если я, типа, тупая и недопоняла чего. Ну, и вот. Потом он свою машину отпустил, а я уж сама его к дому вашему подвезла.

ВАЛЕНТИНА. И вы с ним целовались под нашими окнами? Под нашими окнами? На нашей стоянке?

ИРИНА. Слышь, подружка... Раз уж такой разговор... Он мне говорил, что у вас секса не было много лет. Это правда?

ВАЛЕНТИНА. Какая теперь разница...

ИРИНА. Значит, правда... А я думала: он врет, типа, чтобы я не нервничала... А ты чего надеялась его без секса удержать, что ли? Мужики в его возрасте, знаешь, чего больше всего боятся? Пенсии и простатита. Причем, пенсии гораздо меньше.

ВАЛЕНТИНА. А потом чего было?

ИРИНА. Где?

ВАЛЕНТИНА. У вас?

ИРИНА. А ты чего не знаешь, что ли? У тебя чего: бешенство правды-матки? Несчастной хочешь быть? Прямо, несчастной – раз-несчастной? Да, пожалуйста! Месяц он ко мне привыкал... Месяц... Ну, может, полтора... Ну, а уж как он привык-то совсем... Про признаки привыкания мужика к бабе рассказывать?

ВАЛЕНТИНА. Пропусти.

ИРИНА. Как скажешь. Ну, и вот. Я ему говорю месяца через полтора... Как раз, когда он ко мне за привычным сладеньким пришел, рассказ о чем мы пропускаем... И говорю ему, значит: решай, говорю, типа с кем ты хочешь быть... Потому как, тут я даю слезу, не могу я тебя каждый вечер к другой бабе возить... Делить тебя не могу никак... Короче, послала я его... Вот он и ушел с поникшим взглядом и потухшей спиной... То есть, наоборот. Но неважно.

ВАЛЕНТИНА. И тебе его не было жалко? Совсем-совсем?

ИРИНА (*после паузы*). А потому что мужикам любовницу иметь очень удобно: с одной стороны, обязательств никаких, а, с другой, всегда койка открытая ждет. Поди, плохо? Как говорится: кушали уже эту картошечку, больше не хотим. Неделю не было его. А то – десять дней... Вообще, я уже волноваться начала. Потом он пришел с чемоданом.

ВАЛЕНТИНА. С двумя...

ИРИНА. С одним, я точно помню. С большим таким, старомодным, без колесиков даже. Но с одним... А чё? Бывает: вышел с двумя, пришел с одним, а второй где-то типа потерялся по дороге, почему нет?

Ирина наливает. Сначала себе, потом – Валентине.

Двигает к Валентине стакан.

Валентина не реагирует.

Ирина чокается с ее стаканом, пьет.

ИРИНА. Ну, что, подруга, удовлетворила свое любопытство? Стало себя жалко?

ВАЛЕНТИНА. Мы с ним работали вместе. В газете. Как ты бы сказала: типа журналисты.

ИРИНА. Леха был типа журналист? Никогда мне не рассказывал.

ВАЛЕНТИНА. Работали себе и работали. «Здрасьте – до свидания». Несколько лет. Обедали иногда вместе. Иногда он меня к себе вызывал. Ну, потому что он был начальник, а я вот начальником никогда не была. Несколько лет так. Ни искорки, ни приглядки, ни касания какого – ничего.

ИРИНА (*иронично*). А потом, конечно, все как вспыхнет! Как запыляется!

ВАЛЕНТИНА. Ты, может, помолчишь? Когда ты мне рассказывала, как мужика дрессируешь, я ж тебе не мешала, правда? (*Подходит к бутылке, пьет из горлышка*).

ИРИНА. Не гигиенично.

ВАЛЕНТИНА. А, в общем, ты права: вспыхнуло и запылало вдруг... За город поехали тусоваться. Редакция сняла там какой-то пансионат: пьянство, загул, как всегда... А мы с ним сбежали... Зимой в лесу таинственно и лирично... Снег хрустит, как стекло... Только красивей... Ты ведь не знаешь даже, как это: с любимым целоваться в лесу на морозе. Не знаешь, и не узнаешь никогда.

ИРИНА. Чего это? Вот зима наступит, и мы с Лехой...

ВАЛЕНТИНА (*перебивает*). Потому что у тебя любимого нет. Бизнес-проект есть, а любимого нет. Представляешь, Джульетта говорит Ромео: ты, говорит, мой бизнес-проект...

ИРИНА. Кто говорит? Кому? Не поняла...

ВАЛЕНТИНА. Нет у тебя, Ирочка, любви. Нетути! Вот пришел человек – это я, пришла я к тебе в путь этот идиотский к счастью, чтобы сказать, что идешь ты, подруга, не к счастью, а совсем даже в другую сторону. К привычному такому, банальному говну шествуешь ты с гордо поднятой головой, зажав в руках доллар. Вот и вся твоя дорога.

ИРИНА. Много ты в моей любви понимаешь... Между прочим, у нас вся страна, считай, идет к говну с гордо поднятой головой, зажав в руках доллар. А мне чего выделяться? Я – как все...

ВАЛЕНТИНА. Вот скажи мне, солнце мое, сколько мужиков на мэрской тусовке было?

ИРИНА. Не считала.

ВАЛЕНТИНА. А и не надо. Пришла ты, значит, позицию заняла: не женщина – хищник. Глядь – зайчики. Мальчики-зайчики... Стоят, ждут быть съеденными. И, главное, у всех вид несчастный, а глаз – хитрый. Кого хватать? Любого ведь можно. Любого! Ну, ты и выбрала Сашку...

ИРИНА. Лешку.

ВАЛЕНТИНА. Какая разница... Ты ж его выбрала не по любви, а от скуки. Страшно-то не становится от того, что вместо Лешки кто угодно мог быть?

ИРИНА. Ну, все. Я типа – в говне, а ты – в шоколаде.

ВАЛЕНТИНА. Ну, и вот. Идем мы, значит, по снегу. В снегу. В сугробах же покувыркались, поэтому в снегу оба. Идем. Ночь. Идем просто. Просто идем. Даже за руки не держимся. Но вот такого счастья, как мы тогда испытывали ты, сука, со своим бизнес-проектом не испытаешь никогда.

ИРИНА. Да пошла ты...

ВАЛЕНТИНА. Продолжаем разговор. Потом мы в Египет поехали, в Хургаду. И вот плаваем в море. Он ныряет, выныривает, и сразу смотрит на меня. Мне даже казалось, что сначала взгляд его выныривает, а уж потом он сам, целиком. Понимаешь? Вот ты плаваешь, а он выныривает с разных сторон, и смотрит на тебя влюбленными глазами. Вот, что такое – любовь. А ты – сало, водка, улыбки дурацкие...

ИРИНА. Красиво излагаешь, только где ж она, эта твоя любовь?

ВАЛЕНТИНА. Дурацкий вопрос, Ирина Евгеньевна, выдающий твою беспомощность. У меня-то любовь была. Такая, что, когда вспоминаю о ней, здесь вот тепло становится. Такая любовь, что смотришь на мужика, и каждый кусочек его тела расцеловать готова. Вот какая любовь! А у тебя блядство одно. Потому что любовь – это когда другого человека лечишь, а когда используешь – это совсем по-другому называется.

ИРИНА. Много ты понимаешь в любви, теоретик.

ВАЛЕНТИНА. Ты ведь и в постель к нему идешь, небось, как поезд – по расписанию? И когда у вас секс? По пятницам? Или по субботам? Ну, а в середине недели точно – ни-ни, только перед выходными, чтобы отоспаться...

Ирина вскакивает, подбегает к Валентине, поднимает руку, чтобы дать пощечину.

Валентина смотрит на нее спокойно.

ВАЛЕНТИНА. Ну, ударь меня, может, легче будет... Нечего тебе ответить, если, по сути.

Ирина отходит.

ВАЛЕНТИНА. Ты что, не соображаешь, что на месте этого твоего Лешки кто угодно мог быть? А я – только с ним. Зимой – по снегу. И в Египет – только с ним. Вся моя жизнь только с ним могла быть. И сейчас – я только с ним живу. И как бы он ни поступил со мной, я все равно только с ним живу. Потому что, когда любишь, тогда не прощаешь, а просто живешь... А ты... Вот, скажи, тебе ж все равно, какой инвестор денег даст?

ИРИНА. Много ты понимаешь в инвесторах...

ВАЛЕНТИНА. Вот я и говорю: все равно. Какого подцепила, тот – и, слава Богу! Бизнес-проект! И семью свою ты также создала: не с тем, кого любишь, а кто подвернулся. Вот. А теперь ответь мне на вопрос, только честно: кто из нас кого жалеть должен?

ИРИНА. Да пошла ты!

ВАЛЕНТИНА. Нет, погожу, пожалуй.

Валентина наливает коньяк себе.

ВАЛЕНТИНА. Выпьем?

ИРИНА. Не чокаясь...

ВАЛЕНТИНА. Если не чокаясь – за твою любовь, чокаясь – за мою. *(Смеется, чокается, пьет).*

ИРИНА. Ты мне так мстишь за то, что я у тебя Лешку увела?

ВАЛЕНТИНА. Не без этого. Только я ведь все равно права. Свой путь к счастью ты себе закрыла. Вот так вот. Не было у тебя любви, нет и не будет. Такова, подруга, суровая правда твоей, так называемой, жизни.

ИРИНА. Чего это: так называемой?

ВАЛЕНТИНА. А потому что, без любви – какая жизнь?

Не дожидаясь, пока Ирина ответит, Валентина начинает петь.

ВАЛЕНТИНА *(поет)*.

Он живет, не зная,

Ничего о том,

Что одна дивчина

Думает о нем.

Тра-та-та с калины

Облетает цвет.

А любовь девичья

Не проходит, нет.

ИРИНА. Думаешь, сделала меня? Думаешь, доказала, что я любить не умею? Ох, Ты, Господи, как красиво! А Лешка – мой, ясно тебе? Мой, – до гроба! И я его никому не отдам! И тебе не отдам! И сейчас вот позвоню ему, чтобы она раньше приехал! И мы поедем с

ним... Вот куда захотим, туда и поедим... И гори оно все... Ясно тебе? Ясно? И жизнь у меня - настоящая, ясно тебе? Какая не есть, а вся - моя! Моя! Понятно!

(поет резко, словно атакуя).

*А любовь девичья
С каждым днем сильней.
Как бы мне решится
Рассказать о ней.*

Раздается стук в дверь.

Стук становится все более настойчивым.

ИРИНА. Что ж такое... *(Открывает дверь, выходит).*

Валентина выпивает коньяк прямо из бутылки, подходит к двери, прислушивается.

Услышав что-то, начинает в истерике метаться по кабинету, ища выход.

Входит Ирина.

Валентина озирается, замечает осколки на полу.

Хватает один осколок.

ВАЛЕНТИНА. Я не пойду туда! Ясно? Не пойду? Если они сюда войдут, я перережу себе вены.

ИРИНА. Не-а, не успеешь: скрутят они тебя. Я их видела - ребята такие крупные, типа профессиональные. А ты, значит, Цепляева Валентина Сергеевна?

ВАЛЕНТИНА. Тогда горло себе перережу. Это быстро. Но туда больше не пойду.

ИРИНА. Еле уговорила их, сразу тебя не хватать. *(Своим мыслям)*. Хорошо, хорошо... Это очень хорошо... Валентина Сергеевна Цепляева, ты резаться-то погоди. Это ты всегда успеешь...

ВАЛЕНТИНА. Там уже не дадут. Ты не знаешь, как там! Там!..

ИРИНА *(своим мыслям)*. Хорошо, хорошо... Это даже хорошо, что пока нам плохо... *(Берет мобильный телефон; телефон выключен)*. Блин! *(Нервно включает)*. Ты сильно-то не переживай, теперь в твоей жизни все будет по-другому, мы поможем друг другу.

ВАЛЕНТИНА. Мы? Друг другу?

ИРИНА *(телефону)*. Включился, наконец, родной. Слава Богу! *(Набирает номер, в телефон)*. Маша, слушай сюда внимательно, раскрой все свои уши. Подожди, не кипи. Про амбалов из дурки все сейчас тебе объясню, только слушай меня внимательно. Сейчас немедленно звонишь всем нашим друзьям из СМИ. Текст такой: из государственного учреждения к нам прибежала больная. Фишку сечешь? Из государственной дурки к нам приходит больная типа за

помощью, потому что верит в наш прекрасный «Путь к счастью». В общем, наговори там красиво... Так. Спокойно. Ты сможешь. Не напрасно на философском заочно учишься. Как только ты начнешь говорить этот текст, люди в белых халатах сами исчезнут мгновенно, неохота им с прессой сталкиваться. Все давай. (*Опускает трубку*).

ВАЛЕНТИНА. Ты что это такое задумала тут?

ИРИНА. Тебя спасти, себя пиарить...

Звонит телефон.

Не зная, что делать Валентина выкидывает осколок, садится, автоматически достает газету, читает механически, со злостью плюет, кидает газету на пол.

ИРИНА (*в телефон*). Машунь, ну, что ж ты беспомощная такая? Не надо со мной список согласовывать. Подумай сама, кому звонить.... Помнишь, такой ушастый придурок телевизионный приходил, у него еще жена писается, когда нервничает? Вот ему звони. Семену с радио, у которого жена улыбаться совсем перестала. Всем нашим друзьям, короче. Маш, Маш, не забудь: каждому – каждому! – сообщай, что именно ему мы даем эксклюзивную информацию. Они должны быть здесь через полчаса. Какие вопросы – сразу ко мне. Селектор? Селектор сейчас включу. (*Кладет мобильный; включает селектор и стационарный телефон*). Мы сейчас такую пиар-акцию соорудим – инвесторы сами к нам побегут, чтобы засветиться, денег на два бассейна хватит!

ВАЛЕНТИНА. Ты с ума сошла? Ты что говоришь? Я не хочу быть пиар-акцией?

ИРИНА. А в дурку хочешь? Или тебе больше нравится: горле себе резать? Сейчас ты мне должна подробно и искренно все рассказать. Понятно? Подробно и искренно.

ВАЛЕНТИНА. Я не знаю, я... Мне... Человек совсем перестал улыбаться... Кошмар какой... И мужик к тебе, значит, приходит и говорит, что у него баба писается... Стыдобища!

ИРИНА. Не мельтеши мне тут! Ты хоть понимаешь цепляевской своей башкой, что у тебя появился шанс изменить свою сумасшедшую жизнь? Единственный типа шанс, понимаешь ты это?! Да тебя сам Бог ко мне привел!

Валентина не отвечает.

Сидит, прячет глаза.

ИРИНА. Послушай, может быть, ты хочешь, чтобы я пошла к санитарам-амбалам и сказала: «Забирайте на фиг Цепляеву Валентину Сергеевну»?

ВАЛЕНТИНА. Не хочу.

ИРИНА. Вот так-то лучше... Вообще, шандец: у моего Лешки, оказывается, жена в дурке сидит. Понимаю, почему он от тебя сбежал. Или, может быть... О, Господи! Ты с ума сошла именно, когда он ушел?

ВАЛЕНТИНА. Я не знаю никакого Лешки.

ИРИНА. Как? То есть... В каком смысле не знаешь?

ВАЛЕНТИНА. Во всех...

ИРИНА. Так. Погоди. Еще раз.

ВАЛЕНТИНА. Никакого Лешки я не знаю.

ИРИНА. А как же? Ты тут типа...

ВАЛЕНТИНА (*перебивает*). Я тебя обманула... Как это говорится: на понт взяла.

ИРИНА. Что?

ВАЛЕНТИНА. Просто все женщины в нашей стране делятся на тех, от кого мужик ушел, и на тех, к кому он прибился. Других-то, в общем, и нет. Ну, и вот... Я соврала и попала в точку.

ИРИНА. Обалдеть можно! То есть, вообще моей истории не знала?

ВАЛЕНТИНА. Да разве это история? Такая же ерунда, как у всех...

ИРИНА. Так, так, так... Тут, действительно, держи крышу, чтоб не улетела... Ну, а зачем тебе все это было надо? Весь этот спектакль? С мужиком там... И вообще... Слушай, я фигею от тебя, подруга.

ВАЛЕНТИНА. Понимаешь, у нас рабочие ремонт делают, а одежду свою в кладовке оставляют. Ну, я ночью в кладовку пошла...

ИРИНА (*берет лист бумаги, ручку*). А за вами не следят, что ли, по ночам?

ВАЛЕНТИНА. Тут такое дело... Охрана она кого из девчонок себе находит, из наших...

ИРИНА. (*пишет на листе*). Ужас какой! Об этом потом подробнее расскажешь, я научу как... Мы из этого сенсацию сделаем! Охрана сумасшедших баб...

ВАЛЕНТИНА (*перебивает*). Да нет тут никакой сенсации, девчонки ж сами не против. Девки у нас, как правило, одинокие. Ну, сама понимаешь, мужики, как узнают, что жена с крышей попрощалась, сначала говорят: «Я тебя не брошу, я тебя вылечу...» Ну, кого на год хватает, некоторых на три... В общем, одинокие девки у нас. Поэтому охрана по ночам сугубо индивидуально следит. Но – по обоюдному согласию. Так и вот. Прошла я, значит, ночью в кладовку, костюмчик потырила, сумку вот еще взяла... Слушай, там же пи-

столет был... Я как из дурки вышла, сразу его обнаружила. А может, рабочий наш киллером подрабатывает, а?

ИРИНА. Не отвлекаемся на лишнее. Дальше.

ВАЛЕНТИНА. А чего? Подошла к воротам, - меня никто не узнал. У нас вообще-то с тем, чтобы выйти – строго. Триста рублей охрана требует, а то и все пятьсот.

ИРИНА. Из дурки каждый желающий может выйти за 500 рублей?! (*Быстро пишет на листе*). Боже Мой, да тут сенсация на сенсации!

ВАЛЕНТИНА. Да нет тут сенсации. Не каждый. Из острого отделения не убежишь, а из нашего – 300 рублей, ну, или 500. Мы-то чё? Мы социальной опасности не представляем, мы представляем социальную обузу. Ну, и вот. Вышла я на свободу и иду по ней. Вижу вывеска «Путь к счастью». Оп-па! – думаю. Я всю жизнь этот путь искала, с ног сбилась, а он тут – пожалуйста, под вывеской. Ну, я и вошла. Человеку, когда он по свободному городу идет, обязательно надо куда-нибудь войти. Ну, я и вошла. И к тебе в кабинет попала.

ИРИНА. Вообще-то надо порешать вопрос, чтоб любой сумасшедший не мог типа ко мне в кабинет попасть...

ВАЛЕНТИНА. А я здорово играла, правда? Всю жизнь мечтала актрисой стать, и вот – получилось. Получилось, правда?

ИРИНА. Как же я так прокололась с тобой? Поверила на раз, блин!

ВАЛЕНТИНА. Ты прости, я, наверное, себя по-дурацки вела... С тех пор, как Сашка меня бросил десять лет назад, у меня крыша, на самом деле, поехала... Особенно осенью и весной... Иногда кажется, что я совершаю поступки от себя отдельно, понимаешь? Ну, как будто наблюдаю сама за собой со стороны. Сама себе радуюсь, сама на себя злюсь, иногда сама собой восторгаюсь... То есть, даже не сама собой, а как будто кем-то другим, но этот другой – я. Понимаешь?

Молчание.

ИРИНА. Я от тебя фиגעю... Может, сумасшедшей стать? У вас жизнь какая-то... типа не такая... не привычная, интересная.

ВАЛЕНТИНА. А кто тебе сказал, что ты – нормальная?

ИРИНА. Чего?

ВАЛЕНТИНА. Ты только не обижайся... Знаешь, с тех пор, как Сашка ушел... Он ушел к такой же, как ты... Вся из себя в себе уверенная, с бизнесом... Сука, короче... Ну, вот с тех самых пор мне хочется понять вас, воровок, как там все у вас устроено в мозгах, в душе.

ИРИНА. Так. Сказала же: не отвлекаемся. (*Достает из ящика стола диктофон, кладет перед Валентиной*). Пока пресса не набежала, рассказывай мне сюда историю про Сашку. Быстро, но подробно, и, главное, правдиво.

ВАЛЕНТИНА (*показывает на диктофон*). Я не буду сюда рассказывать.

ИРИНА. Ты, девочка моя, будешь делать все, что я тебе скажу. Ясно? Впрочем, если хочешь, я могу сию же секунду позвать амбалов из дурки. То-то парни будут рады.

ВАЛЕНТИНА. Выпить можно?

ИРИНА. Нужно.

Голос из селектора: «Ирина Евгеньевна, врачи умчались с криком, что они это так не оставят. С телевидения и радио наши друзья едут сюда, обзваниваю газеты. Хотела спросить: «А на интернет - порталы звонить?»»

ИРИНА (*в селектор*). Какая ты все-таки, Машка, не самостоятельная у меня. Всюду звони.

ВАЛЕНТИНА. Что же вы такое со мной делаете, а? Что я вам, кролик подопытный?

ИРИНА. Мы, Валентина Сергеевна Цепляева, стараемся тебе помочь. Понятно, дорогой мой Казуастр?

ВАЛЕНТИНА. Я... Я не... Мне страшно... Я не хочу...

ИРИНА. Ну, что ты, что ты... (*Убирает диктофон*). Не хочешь в диктофон, не надо... (*Подходит к Валентине, гладит ее по голове*). Ну, чего ты испугалась? Все хорошо... Давай так спокойно поговорим, как две подруги, как две женщины... Ну... Я помочь тебе хочу, дуреха, а ты...

ВАЛЕНТИНА (*вскакивает*). Слушайте, не надо со мной разговаривать так, как будто я сумасшедшая! То есть, я – сумасшедшая... Но не надо со мной разговаривать так, как будто я сумасшедшая! Фу, ты черт!

ИРИНА. Так. Все. Села быстро на стульчик!

Валентина садится.

ИРИНА. Что ты нервничаешь? Успокаивайся, давай... Коньячку хочешь еще?

ВАЛЕНТИНА. Да.

ИРИНА. Хватит тебе коньячку. Понимаешь, чтобы я могла тебе помочь, мне надо знать о тебе, все. Понимаешь?

ВАЛЕНТИНА. А телевидение это зачем? Радио...

ИРИНА. Так. Не отвлекаемся... Правильно ли я понимаю: все, что ты тут рассказала... Про Египет... Все эти ныряния с выпученными

ми глазами... В смысле, с влюбленными... Про зиму с хрустящим снегом. Это все было, на самом деле, с Сашкой. Правильно?

ВАЛЕНТИНА. Мм-мм.

ИРИНА. Очень хорошо. Очень хорошие детали. *(Что-то быстро записывает на бумаге)*. А дальше, что было?

ВАЛЕНТИНА. Жизнь была. А потом пришла сука, вроде тебя, и жизни не стало.

ИРИНА. Саша твой ушел, и ты сразу свихнулась. Послушай... Извини...

У Ирины вдруг начинает звонить мобильный, стационарный и мигать селектор.

Ирина смотрит некоторое время, но трубку не берет.

ИРИНА. А ты вот можешь мне рассказать, как это человек вдруг понимает, что он свихнулся?

Валентина неожиданно встает, начинает нервно ходить по комнате.

ИРИНА. Сядь на стульчик, сказали же тебе!

Валентина продолжает ходить, потом подходит к Ирине.

ВАЛЕНТИНА. Так, значит... Если ты мне поможешь... По-настоящему... Я все для тебя сделаю. Все, что скажешь. Весь твой этот... как его... пиар чертов! Чего угодно. Только помоги.

ИРИНА. С тобой разговаривать, Валентина Сергеевна, как телек смотреть: легкий щелчок переключателя, и уже – новый сюжет. Что еще случилось?

ВАЛЕНТИНА. Тебе интересно узнать, как человек сходит с ума? Это очень просто. Он лежит на диване и ничего не хочет: ни есть, ни пить, ни ходить, ни работать. Ничего! И вот он смотрит на себя, как бы со стороны, и думает: вот, это я. Я лежу на диване, и ничего не хочу. И это правильно. Он не страдает, не плачет, не бьется головой о стену... Просто он постепенно и тихо превращается в часть дивана... Такое со мной случилось, когда Сашка у меня дочь украл.

ИРИНА. Что?

ВАЛЕНТИНА. Украл у меня дочку. Сначала выкрал, исчез, я его искала долго... К бандитам даже пошла... Я еще им говорю: «А вдруг он растворится в жизни?» А они... С юмором ребята... Отвечают: «Он если где и растворится, то в соляной кислоте». В общем, нашли они Лизу.

ИРИНА. Надо же! У меня дочку тоже Елизавета зовут...

ВАЛЕНТИНА. Нашли. Но не сразу. А я уже к тому времени крышу стала хуже ощущать. Понимаешь? Несколько приступов... Он

подал в суд вместе со своей сукой: мол, не может сумасшедшая мать воспитывать ребенка... И все!

ИРИНА (*радостно*). Ну, Валентина Сергеевна! Ну, ты мой телевизор родной! (*Обнимает Валентину*). Ты правду сейчас про дочь рассказываешь? Правду?

ВАЛЕНТИНА. Разве про такое можно врать?

ИРИНА. Ты ж мое солнышко! Ребенка у нее украли! Лизаньку! Какая удача! Да мы сейчас всю страну на уши поставим! Да у нас сейчас все прогрессивное человечество начнет ребенка тебе возвращать! Мы еще какой-нибудь закон проведем о гуманном отношении к умалишенным!

ВАЛЕНТИНА. И моя Лиза вернется ко мне? У тебя же у самой дочь, ты же понимаешь...

ИРИНА. Вернется! Но как! Триумфально! Сашка твой еще на коленях к тебе приползет умолять о прощении.

ВАЛЕНТИНА. Сашку – не трогай. Он, в общем, хороший. Безвольный только... Это она все, сука его...

ИРИНА. Добрая ты, Валька. Простая, добрая, русская женщина Валентина Сергеевна Цепляева... Как раз то, что надо.

ВАЛЕНТИНА. Для чего?

ИРИНА. Для победы.

Валентина некоторое время непонимающе смотрит на Ирину, потом бросается к ней, обнимает.

ВАЛЕНТИНА. Да ты делай, что хочешь... Только верни мне Лизку. Лизку мне верни! А то они сказали... Ну, в суде... По часу каждую неделю... Так он мне и по часу не дает. Я ж сумасшедшая... А я думаю: вдруг Лизанька суку эту мамой называет? Представляешь? Эту суку – мамой...

ИРИНА. Все будет хорошо! Ты даже не представляешь, как все будет хорошо!

ВАЛЕНТИНА. Ну, ты же – мать... Ты же должна, как мать... Правда? Да? У тебя ведь тоже- Лиза... Лизы – они ведь... Они такие... Они...

ИРИНА. Конечно, конечно... Два, нет, три бассейна построю! И этого мудака инвестора с его женой рахитичной выгоню из принципа! Вся страна теперь узнает, что такое «Путь к счастью»!

ВАЛЕНТИНА. Ты вернешь мне, Лизку, вернешь? Чтоб только она ее мамой не называла! Вернешь?! Скажи!

Ирина, молча, гладит Валентину по волосам.

Слышно, как за дверью кабинета возникает гул голосов.

Откуда-то раздаётся голос диктора: «Передаем экстренное сообщение. В республике Трите-Пердите избран новый президент. Им стал девяностолетний ...»

Голос тает.

Валентина еще сильнее прижимается к Ирине.

Они стоят, обнявшись, слившись.

Темнота.

К О Н Е Ц